

УДК: 398.224(=512.1):81'373.612

ЭКСПЛИКАЦИЯ РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛИЗМАМИ КОНЦЕПТА ЛОКАТИВНОСТЬ В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО И ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЭПОСАХ*

С.М. Прокопьева, Ю.П. Борисов

Научно-исследовательский институт Олонхо,

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (Якутск, Россия)

olonhoman@mail.ru

Семантический анализ языковых единиц проводился в работе с привлечением словарных дефиниций концепта ЛОКАТИВНОСТЬ при актуализации ритмико-синтаксических параллелизмов в тексте. Целью работы является сопоставительный анализ ритмико-синтаксических параллелизмов в текстах якутского олонхо и тюрко-монгольских эпосов. Сравнительно-сопоставительное исследование функционирования ритмико-синтаксических параллелизмов выявило универсальные и национальные особенности актуализации параллелизмов в текстах анализируемых эпосов.

Ключевые слова: концепт, локативность, олонхо, ритмико-синтаксический параллелизм, текст, сравнение.

DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-92-103

Актуальность данного исследования определяется возросшим интересом к типологическому изучению языков, в частности, к сопоставительному изучению концептуальной структуры ритмико-синтаксических параллелизмов (далее РСП) в текстах алтайских эпосов в связи с наиболее интенсивно развивающимися в настоящее время направлениями когнитивной лингвистики, социолингвистики, культурологии и т.д. Концептуальный анализ РСП в эпических текстах способствует проникновению в тайны когнитивной деятельности человека по креативному освоению мира и выявлению функциональной значимости языковых единиц в тексте.

Недостаточно изученной остается проблема функционирования РСП. Р.О. Якобсон писал: «Глубокий структурный анализ функций параллелизма в фольклоре различных тюркских народов является для языковедения насущной задачей. Как схождения, так и расхождения в ней должны быть выявлены посредством глубокого сравнительно-сопоставительного изучения региональных вариантов» [Якобсон 1987: 104].

По мнению А.Н. Веселовского, человек усваивает образы внешнего мира в формах своего самосознания. При этом параллелизм покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия как признака волевой жизнедеятельности. В основе таких определений, отразивших наивное, синкретическое представление природы, закреплён-

ных языком и верованием, лежит перенесение признака, свойственного одному члену параллели, в другой [Веселовский 1989: 126].

Ритмико-синтаксический параллелизм лежит в основе стиховой формы у многих народов. Повсеместно распространены народные четверостишия, универсальный жанр, построенный на открытом А.Н. Веселовским «психологическом параллелизме» [Жирмунский 1964: 39]. В.М. Жирмунский утверждал, что «изначальной структурной формой древнетюркского народного эпического стиха является не двучленная строфа, а эпическая тирада (или строфема), т.е. цепочка стихов неопределенной длины, объединенная параллелизмом и в результате этого параллелизма одинаковыми созвучиями в конце параллельных ритмических отрезков стиха» [Жирмунский 1964: 41]. Также он определил саму форму синтаксического параллелизма: «синтаксический параллелизм как принцип композиционной структуры допускает словесное повторение, как эквивалент рифмы слов, одинаковых по своей синтаксической функции и морфологической структуре. При этом чем архаичнее поэтический стиль, тем чаще в нем такие повторения» [Жирмунский 1964: 45].

Карл Райхл, рассматривая формульный характер тюркского устного эпоса, пишет, что наблюдается тесная связь между метром и синтаксической структурой, с одной стороны, и синтаксическими моделями и параллелизмом – с другой [Райхл 2008: 167]. По его мнению, тюркские языки благодаря агглютинативному морфологи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496 (а).

ческому принципу и сопутствующей ему синтаксической структуре создают благоприятные условия для грамматического и синтаксического параллелизма [Райхл 2008: 172]. При этом «в эпической поэзии начальная формула часто имеет форму локативной конструкции, построенной по принципу параллелизма» [Райхл 2008: 173].

Н.Е. Петров писал, что «основой стиховой формы олонхо является ритмико-синтаксический параллелизм – повторение аналогичных конструкций, синонимичных, близких или связанных по содержанию единиц стиха (строки или группы строк), скрепленных и украшенных аллитерацией и созвучием одинаковых грамматических форм конечных в строке слов. Такая форма стиха прежде всего требует обилия синонимических слов в языке, так как параллелизмы строятся на повторе семантически аналогичных лексем» [Петров 2009: 16]. Наличие огромного количества коннотативной лексики и фразеологии в якутском языке способствовало тому, что в якутском олонхо распространенным феноменом являются РСП, в составе которых присутствуют образные и синонимичные компоненты.

Категория локативности в языке представляет собой довольно распространенное явление. Ее тесное взаимодействие с другими категориями закреплено в культурах носителей языков. Не умаляя композиционной роли РСП в тексте, следует отметить, что основное содержание РСП непосредственно связано с экспликацией целевого концепта, в данном случае концепта ЛОКАТИВНОСТЬ.

В «Теории функциональной грамматики» А.В. Бондаренко дает следующее определение локативности: «Локативность трактуется нами как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСР, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [Бондарко 1996: 5].

Как показывает материал многочисленных словарей, в основе слова *локативность* лежит латинское слово *localis*. Слово *локативность* включает в себя 3 значения: 1) пространство, 2) территория, 3)местилище событий [ЛЭС 2002: 128]. Локативность представляет собой статистический процесс нахождения в определенном месте, или движение, не выходящее за пределы определенного пространства, т.е. движение, не связанное с преодолением пределов некоторого пространства. В ситуациях местонахождения наиболее ярко выражается статичность, которая предполагает «не-

изменное пространственное расположение предмета по отношению к локуму» [Всеволодова, Владимирский 1982: 11]. Главным типом отношений в ситуациях локативности является обозначение протекания событий в пределах какого-либо пространства.

Как показывают многочисленные исследования на материале разных языков, локативность выражается при помощи наречий, именных послеложных форм, глаголов, существительных [Мосина, Мигунова URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lokativnost-i-sposoby-ee-vyrazheniya-v-erzy-anskom-i-finskom-yazykah>].

Сопоставительное исследование РСП в эпических текстах разных культур и в связи с когнитивной деятельностью человека является одним из перспективных направлений современного языкознания. Язык является отражением и фиксацией культуры, он выполняет кумулятивную функцию, т.е. накапливает и хранит в лексиконе сведения о предшествующих знаниях. Таким образом, язык является частью социальной памяти, представляет собой совокупность значений, составляющих ориентировочную основу не только речевой, но и любой другой, например, познавательной деятельности. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. Языковая картина мира в целом и главным совпадает с логическим отражением мира в сознании людей и представляет собой наиболее широкое понятие, она отражает как наивное, так и научное мировидение народа и объективируется на дефиниционном уровне исследования лексических единиц. Принцип экспланаторности обретает при исследовании РСП современного якутского и других тюркских языков конкретное содержание, т.к. взаимопроникновение наук позволит выявить и обнаружить разные типы объяснений и придать каждому из них рациональное содержание.

Целью работы является сравнительно-сопоставительный анализ РСП из якутских олонхо: «Сын лошади Богатырь Дыырай» И.И. Бурнашева, «Дыырай Бэргэн» У.Г. Нохорова, «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» П.П. Ядрихинского, «Могучий Эр Соготох» В.О. Каратаева; алтайского эпоса «Маадай-Кара» А.Г. Калкина; хакасского алыптых ныхмах «Ай-Хуучин» П.В. Курбижекова, а также бурятского улигера «Аламжи Мэргэн» Е. Шалбыкова.

Научная новизна работы заключается в том, что объектом изучения служат РСП якутского языка, которые впервые сопоставляются с РСП тюрко-

монгольских языков на основе анализа концептуальной структуры исследуемых языковых единиц.

Привлечение новых локусов к изучению данного явления представляется актуальной исследовательской задачей. Концепт ЛОКАТИВНОСТЬ как квант знания репрезентируется в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах наряду с другими лексическими единицами и РСП. Семантический анализ языковых единиц проводился в работе с привлечением словарных дефиниций концепта ЛОКАТИВНОСТЬ при актуализации РСП в текстах якутского олонхо и тюрко-монгольских эпосов. С помощью компонентного анализа проводится разложение языковых единиц на минимальные значимые части. Для установления истинности онтологизируемой концептуальной информации, касающейся в данном случае проблемы универсального и специфического в эволюции языковых значений, в языковых единицах используется метод верификации. Прямое номинативное значение языковых единиц якутского, алтайского, хакасского и бурятского языков отражает основные компоненты концептуальной структуры. Это способствует экспликации актуализации слова в контексте. Метод контекстуального анализа способствует выявлению актуализации языковых единиц в текстах олонхо. Общим методом исследования является индуктивно-дедуктивный, т.е. в результате проведенного анализа практического материала делаются теоретические выводы. Сравнительно-сопоставительное исследование функционирования РСП выявило универсальные и идиотнические особенности актуализации языковых единиц в текстах алтайских эпосов.

Рассмотрим номинализацию концептуальной области ФИЗИКО-ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:

1. Вербализация концепта ВСЕЛЕННАЯ происходит из рассматриваемых эпосов только в якутском олонхо и хакасском алыптах-нымах и выражается следующими РСП:

<i>Аан дойдуну</i>	<i>По всей вселенной</i>
<i>Атахынан аймааммын,</i>	<i>Ногами своими прошел,</i>
<i>Улуу дойдуну</i>	<i>По шири великой страны,</i>
<i>Тобукпунан тобуламмын...</i>	<i>Коленями путь пролагая...</i>

(Каратаев В.О. «Могучий Эр Соготох» 1996: 360-361).

<i>Изеби чох Хыс Хан</i>	<i>У могучей Хыс-Хан</i>
<i>Чир хулахтыг полган,</i>	<i>Земля была ухом,</i>
<i>Пёгёмі чох Хыс Хан</i>	<i>У бесстрашной Хыс-Хан</i>
<i>Чиген частыхтыг</i>	<i>Вселенная как будто</i>
<i>осхас полган.</i>	<i>была подушкой.</i>

(Курбижеков П.В. «Ай-Хуучин» 1997: 88-89).

Как видно из примера, концепт ВСЕЛЕННАЯ в якутском олонхо передается именами существительными, в данном случае концепт становится полностью понятным только из контекста РСП. Между тем данный концепт отсутствует в алтайском и бурятском эпосах.

Концепт ВСЕЛЕННАЯ включает в себя следующие концепты:

1.1. Концепт ЗЕМЛЯ в якутском олонхо передается следующими РСП:

<i>Тон сири тобугар дылы</i>	<i>Мерзлую землю по</i>
	<i>коленные чаши</i>
<i>Тобулута түһэн,</i>	<i>Пробив насквозь,</i>
<i>Ириэнэх сири</i>	<i>Теплую землю до сустава</i>
	<i>бедренного</i>
<i>Иэччэ бэр дылы</i>	<i>Пробил насквозь,</i>
<i>Ибилитэ түстэ,</i>	<i>Засушливую землю</i>
<i>Хаппыт сири</i>	<i>По самой шее</i>
<i>Хабар батыгар дылы</i>	<i>Пробил вглубь...</i>
<i>Хайа хааман киирдэ...</i>	<i>Хайа хааман киирдэ...</i>

(Нохсоров У.Г. «Дыырай Бэргэн» 2009: 62, пер. наш).

<i>Тон сири</i>	<i>Землю мерзлую</i>
<i>Тобугун харабар дылы</i>	<i>До чашек коленных</i>
<i>Тобута буурдаталаан,</i>	<i>Насквозь продавливая,</i>
<i>Ириэнэх сири</i>	<i>Землю сырую</i>
<i>Иэччэ бэр дылы</i>	<i>До сустава бедренного</i>
<i>Ибили уктэтэлээн ...</i>	<i>В месиво превращая...</i>

(Ядрихинский П.П. «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» 2011: 246-247).

То есть в разных эпосах олонхо встречается одна и та же конструкция РСП, это свидетельствует о том, что РСП в якутских олонхо являются интертекстуальными. Во всех случаях РСП образован приемом противопоставления словосочетаний: *тон сир* (букв. мерзлая земля) / *ириэнэх сир* (букв. теплая земля), выражающих качественное состояние земли.

Подобные РСП, выражающие локатив ЗЕМЛЯ, встречаются и в алтайском эпосе:

<i>Кату јаткан бу Алтайын</i>	<i>Где земля на Алтае была</i>
	<i>твердой,</i>
<i>Кажыгына чөһрө тебет,</i>	<i>Ноги, [упершись], уходят</i>
	<i>по щиколотки в землю,</i>
<i>Јымжак јаткан бу</i>	<i>Где земля на Алтае была</i>
<i>Алтайын</i>	<i>мягкой,</i>
<i>Тизезине чөһрө тебет.</i>	<i>Ноги, [упершись],</i>
	<i>по колени уходят в землю.</i>

(Калкин А.Г. «Маадай-Кара» 1973: 169, 357).

Как видно из примера, здесь тоже РСП образован приемом противопоставления словосочетаний: *кату јаткан* (букв. твердая земля) / *јымжак јаткан* (букв. мягкая земля), выражающих качественное состояние земли.

Интересными примерами являются следующие соответствующие РСП из якутского олонхо и хакасского эпоса:

<i>Арай сир үрдэ</i>	<i>Вдруг над землей</i>
<i>Сиккиэрдэнэн киэрэн</i>	<i>Легкий ветер подул,</i>
<i>барбыта,</i>	
<i>Дойду үрдэ</i>	<i>Над лоном страны</i>
<i>Холоруктанан киэрэн</i>	<i>Завихрился.</i>
<i>барбыта.</i>	

(Каратаев В.О. «Могучий Эр Соготох» 1996: 238-239).

<i>Хара чирдиң үстү</i>	<i>Поверхность великой земли</i>
<i>Прай ыылап парчыдыр,</i>	<i>Вся загудела,</i>
<i>Хан тигирниң пары</i>	<i>Лоно неба-хана</i>
<i>Прай соолап парыбысхан.</i>	<i>Все зашумело.</i>

(Курбижеков П.В. «Ай-Хуучин» 1997: 288-289).

В обоих случаях примера описывается приход отрицательного персонажа, который передается двумя совпадающими по форме и семантике РСП. При этом локативность передается именами существительными в якутском эпосе: *сир* (букв. земля) / *дойду* (букв. страна); в хакасском эпосе: *чир* (букв. сир) / *тигир* (букв. небо).

Тем самым выявлено, что концепт ЗЕМЛЯ является универсальным для тюрко-монгольских эпосов. Следует отметить, что выдающийся исследователь эпоса И.В. Пухов, основываясь на общности сюжета олонхо с сюжетом эпосов Алтая-Саянских народов, а также сходства в строе языка и лексики, приходит к выводу о том, что якутское олонхо – это эпос очень древнего происхождения, и его истоки восходят к тем временам, когда предки якутов жили на своей прежней родине и тесно общались с древними предками тюрко-монгольских народов Алтая и Саян [Пухов 1980: 8].

1.2. Концепт СОЛНЦЕ имеется во всех исследуемых эпосах. Данный концепт в РСП используется чаще, чем остальные, т.е. является высокопродуктивным концептом, при этом реализуется только в сочетании с другими подобными концептами, как ЛУНА, НЕБО, ЗВЕЗДЫ:

1.2.1. Сочетание концептов ЛУНА + СОЛНЦЕ:

Рассмотрим подробно примеры из текстов, где описывается облик красавицы – главной героини:

<i>Ыйдаабар ыраас ньуурдаах,</i>	<i>С ликом луны светлее,</i>
<i>Куннээбэр күндү бэйэлээх,</i>	<i>Солнца ясного дорожке,</i>
<i>Көмүс күөрэгэйбит,</i>	<i>Жаворонок наш золотой,</i>
<i>Күндү далбарайбыт...</i>	<i>Пташечка дорогая...</i>

(Ядрихинский П.П. «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» 2011: 86-87).

<i>Ай кебери айга бербес</i>	<i>Луноподобное ее лицо</i>
<i>Алтын кептү јылтырашкан,</i>	<i>на луну не сменяешь,</i>
<i>Күн кебери күнге бербес,</i>	<i>Как золото, блистало.</i>
	<i>Солнцеподобное ее лицо</i>
<i>Күмүш кептү мызылдашкан.</i>	<i>на солнце не сменяешь,</i>
	<i>Как серебро, сияло.</i>

(Калкин А.Г. «Маадай-Кара» 1973: 227, 416).

<i>Ай чили чарып,</i>	<i>Светится, как луна,</i>
<i>Аарлыг торгы кип кискен,</i>	<i>Платье из дорогого</i>
	<i>шелка надев,</i>
<i>Күн чили палаһнап,</i>	<i>Сияет, как солнце,</i>
<i>Күмүс аралыг кип кискен.</i>	<i>С серебряной [нитью]</i>
	<i>платье надев.</i>

(Курбижеков П.В. «Ай-Хуучин» 1997: 312-313).

Как видно из примеров РСП, в якутском, алтайском и хакасском эпосах сочетание локативов СОЛНЦЕ + ЛУНА передается именами существительными – лексическими единицами с переносным значением, которые используются для описания красоты главной героини.

Кроме того, в хакасском и алтайском эпосах также можно обнаружить совпадающие концепты в РСП:

<i>Аран чула Ах көж ат</i>	<i>Бело-голубой конь скакун</i>
<i>Аргазынаң ай көлет</i>	<i>Спиною своей луну заслоняет,</i>
<i>парган,</i>	
<i>Көксинең ат күл үгі</i>	<i>Грудью своей конь-храбрец</i>
<i>Күн көледип турчададыр.</i>	<i>Солнце заслоняет.</i>

(Курбижеков П.В. «Ай-Хуучин» 1997: 350-351).

<i>Азулудан ат эрјине</i>	<i>С той стороны, где садятся,</i>
<i>Атантан ол јанында ай</i>	<i>Луноподобное тавро</i>
<i>танмалу,</i>	<i>имеет,</i>
<i>Камчы согор бу јанында</i>	<i>С той стороны,</i>
<i>күн танмалу</i>	<i>где плетью бьют,</i>
<i>Ол эрјине болбай кайтты.</i>	<i>Солнцеподобное тавро</i>
	<i>имеет.</i>

(Калкин А.Г. «Маадай-Кара» 1973: 122, 308).

Сочетание концептов ЛУНА + СОЛНЦЕ реализуется при описании богатырских коней. В хакасском эпосе концепт представлен в качестве гиперболического сравнения богатырского коня, а в алтайском эпосе концепт трактуется в значении клейма, что указывает на национальные особенности восприятия данного концепта.

<i>Ай алтына арта түйкен</i>	<i>Под луной другой</i>
	<i>протянувшуюся</i>
<i>Ала тайга энем деген,</i>	<i>Пегую гору отцом</i>
	<i>называет,</i>
<i>Күн алтына томро түйкен</i>	<i>Под солнцем [вдоль</i>
	<i>долины] стоящую</i>

Күрэн тайга энем деген.
Бурую гору матерью
называет.
(Калкин А.Г. «Маадай-Кара»
1973: 68, 252).

*Гара тээгээн Һальхилма
Һайхан сэсэг дайдада*
Эжилэжи түрүбэл-даа,
*Наран тээгээн дэбишмэ
Намшиһан сэсэг дайдада
Албаталжи түрүб-даа.*
Он родился хозяином
Цветущей, прекрасной
земли,
С лунной стороны
обдуваемой.
Он родился владельцем
Зеленой, цветущей земли,
С солнечной стороны ове-
ваемой.

(Шалбыков Е. «Аламжи Мэргэн»
1991: 60-61).

1.2.2. Сочетание концептов СОЛНЦЕ + ЗВЕЗДЫ:

*Ууса дундаа бэдэртэй,
Орой дундаа мэнсэтэй
притягивающий,
Нариһан шарга моритай
Ажи болон түрүлэй...*
Кончиком подбородка
Сияние звезд
Высокою холкой
Лучи солнца
притягивающий, ...
(Шалбыков Е. «Аламжи Мэргэн»
1991: 86-87).

РСР с подобными сочетаниями концептов в якутском, алтайском и хакасском эпосах отсутствуют, из чего следует, что вышеприведенный пример является проявлением национальной специфики бурятского улигера. В данном случае использованы экспрессивные позициональные глаголы, образно представляющие положение объекта.

1.2.3. Сочетание концептов СОЛНЦЕ + НЕБО:

*Дарабар саннынан
Халлааны хаххалых,
Кэтит көхсүнэн
Күнү бүүлүөх...*
Плечи так высоки,
Что небо прикрывают,
Спина так широка,
Что солнце заслоняет...
(Ядрихинский П.П. «Девушка богатырь
Джырыбына Джырылыатта» 2011: 426-427).

В вышеприведенном примере из якутского олонхо описывается внешний облик богатыря, части тела которого сравниваются с небом и солнцем, т.е. реализуется сочетание концептов СОЛНЦЕ и НЕБО. В других тюрко-монгольских эпосах подобных сочетаний концептов не имеется.

Однако в алтайском эпосе в подобном значении используется сочетание концептов ЛУНА + СОЛНЦЕ:

Ары ла көрүп, атанарда,
Когда он в одну сторону
повернулся, –

*Айдын көзи бу бөктөлдү,
Бери ле көрүп, буруларда,
Куннын көзы бу жабылды.*
Глаз луны затмился,
Когда он в другую
сторону повернулся, –
Глаз солнца закрылся.

(Калкин А.Г. «Маадай-Кара»
1973: 76, 260).

1.2.4. Сочетание концептов СОЛНЦЕ + КАМЫШ:

*Үе үгэй хулаһанишг
Найгун надхан гэйхэлбэл,
Үүлэ үгэй наранишг
Яларажи гэйхэлэл!*
Как камыш молодой
и гибкий,
Плавно она ступала,
Как солнце
в безоблачном небе,
Она сияла!

(Шалбыков Е. «Аламжи Мэргэн»
1973: 222-223).

Данное сочетание является проявлением национальной специфики бурятского языка и отсутствует в других эпосах.

2. Концепт МИРОВОЕ ДРЕВО:

РСР, в которых реализован данный концепт, можно обнаружить в якутском олонхо и алтайском эпосе:

*Кинэниир киинигэр,
Дьогдьойбохтуур саалыгар,
Тобуланньыр дьулайыгар,*
В самом пупке [земли],
В центре выпуклости [земли],
На макушке мира, ...
(Нохсоров У.Г. «Дырай Бэргэн»
2009: 27, пер., наш).

*Томто болоох ньууругар,
Килбиэннээх киинигэр
Кыппайка манан
кырдалын
Кырыыланар
дырбиитигэр...*
На поверхности округлой,
В центре блистательном,
Белой гряды продолговатой
кырдалын
На черте граненой...

(Ядрихинский П.П. «Девушка богатырь
Джырыбына Джырылыатта» 2011: 16-17).

*Јетен айры көк талайдын
белтиринде
Јети јаан көб тайгадын
колтыгында ...*
Там, где сливаются
семьдесят рек,
В долине между семью
большими горами-
крепостями...

(Калкин А.Г. «Маадай-Кара»
1973: 68, 252).

Как видно из примеров, рассматриваемые РСР описывают местонахождение мирового древа, которое является во всех тюрко-монгольских эпосах центром эпического мира и имеет глубокое культурное значение.

3. Концепт РОДИНА наблюдается во всех рассматриваемых эпосах и указывает на его культурную универсальность:

*Сэттэ уон изнигийэн туһэ
Иэйэхсит биэрэгин айаҕар
Дьылээнэн үөскээбит,
Абыс уон айыыһыт
Ахталыйан туһэр*
*Дьаарбанын ааныгар
Арбахтанан үөскээбит,*
*Тобус уон суккуллан туһэр
Хотой айыыһыт оптуоһун
ааныгар*
Олобуран төрөөбүт...
(Бурнашев И.И. «Сын лошади Богатырь Дыһрай»
2013: 36, 210).

*Под берегом, по которому
Семдесят духов Иэйэхсит
Спускаются с вышины,
Под трактом, по которому
Восемьдесят духов
Айыыһыт
Приходят на землю,
Под высотой,
где девяносто
Духов орла-прародителя
Имеют пристанище
Возник, оказывается, он...*

*Јетен айры көк талайды
Суузыным деп јада берген,
Јети јаан көб тайгады
Одорым деп јуртай*
*Көк сынның алты чирде
Адам чурты полар,
Көк талай хазында
Ічем чурты полар,...*
(Калкин А.Г. «Маадай-Кара»
1973: 67, 251).

*Синюю реку с семью-
десятью притоками
Источником называя,
В долинах гор-крепостей
Пастбищем называя, ...
берген, ...*
(Калкин А.Г. «Маадай-Кара»
1973: 67, 251).

*Көк сынның алты чирде
Адам чурты полар,
Көк талай хазында
Ічем чурты полар,...*
(Курбижеков П.В. «Ай-Хуучин»
1997: 74-75).

*У подножия [хребта]
Кёк-сын
Чурт моего отца
раскинулся,
На берегу [реки]
Кёк-талай
Чурт моей матери
раскинулся.*

*Далан долоон тэнгэрын
Далин дорон түрүбө,
Ерэн долоон тэнгэрын,
Ебэр дорон түрүбө.*
(Шалбыков Е. «Аламжи Мэргэн»
1991: 56-57).

*Под крыльями семидесяти
семи тэнгриев
Он родился,
Под крыльями девяноста
семи тэнгриев
Он родился.*

Как видно из примеров, при описании концепта РОДИНА в якутском олонхо используется трехчленный РСП, а в алтайском, хакасском и бурятском эпосах – двухчленные РСП. Количественное употребление данных РСП отличается тем, что в якутском эпосе родина богатыря упоминается чаще, чем в других тюрко-монгольских эпосах. Это связано прежде всего с тем, что при РСП, описывающей имя богатыря, всегда указывается его принадлежность к роду «айыы аймаҕа» (родственники айыы). Здесь следует отметить, что Е.М. Мелетинский писал: «В якутском олонхо, так же, как и в алтайских и бурятских поэмах, за указанием «эпического» времени (совпадающего с «мифическим») следует описание прекрасной страны, в которой живет герой, но здесь это не просто

благодатный уголок земли с прекрасными пастбищами для скота и охотничьими угодами, а, выражаясь научным языком, «первичная ойкумена» человеческого племени, с которым олонхо отождествляет якутов» [Мелетинский 1998: 365].

Несмотря на это, по способу образования совпадают якутский, алтайский и бурятский эпосы, т.к. в них присутствуют числительные, указывающие на местонахождение объектов: семьдесят / восемьдесят / девяносто, что особенно ярко прослеживается в якутском и бурятском эпосах. А в алтайском эпосе встречаются только числительное семьдесят, которому противопоставляются горы-крепости.

Между тем в хакасском эпосе концепт РОДИНА является двузначным, т.к. в концепте хакасского языка указываются родственные отношения по линии отца и матери, что, на наш взгляд, является проявлением национальной особенности восприятия рассматриваемого концепта.

4. Концепт ОХОТНИЧЬЕ УГОДИЕ обнаруживается только в якутском олонхо и бурятском улигере и передается следующими РСП:

*Абыс үрэх баһыгар
Айалаан сиир,
Тобус үрэх баһыгар
Туһахтаан сиир,*
*Сэттэ үрэх баһыгар
Сохсолоон сиир.*
*В верховьях восьми речек
Самострелами охотиться,
В верховьях девяти речек
Петлями-силками [дичь]
добывать,
В верховьях семи речек
Пастями-ловушками
[зверей] промышлять.*
(Каратаев В.О. «Могучий Эр Соготох»
1996: 208-209).

*Хадаһаа-лан харьями
Халюунай-ла хахархгүй
Халюун хиитхүүр дайдаая*
*Эжилэжи түрүбэ-даа.
Боориноон-ло бурьяма
Булаганай бусархгүй*
*Булган хиитхүүр дайдада
Эжилэжи түрүбэ-даа!*
*Он родился хозяином
Богатой, привольной земли,
С бурливыми горными
[реками]
С несчетными выдрами.
Он родился хозяином
Широкой, привольной
земли,
С говорливыми горными
[ручейками],
С несчетными соболями.*
(Шалбыков Е. «Аламжи Мэргэн»
1973: 58-59).

В якутском эпосе концепт ОХОТНИЧЬЕ УГОДИЕ передается трехчленным РСП, а в бурятском эпосе двухчленным РСП, и если в якутском эпосе при описании концепта используются числительные, указывающие на количество речек: восемь / девять / семь, то в бурятском эпосе множественность объектов передается с помощью аффикса множественности, а также собирательным

числительным – «несчетные». Тем не менее, общий контекст примеров РСП совпадает, т.к. в обоих случаях речь идет об охоте у реки. Кроме того, в бурятском эпосе эксплицируется мифологическое пространство. В связи с ограниченностью объема статьи мы не останавливались на анализе мифологического пространства в исследуемых эпосах.

5. Концепт ПРОСТРАНСТВО-ПОМЕЩЕНИЕ

<i>Биир өттүгэр биэс уон</i>	<i>На одной стороне</i>
<i>Сиэркилэ таас туннуктээх,</i>	<i>Пятьдесят окон</i>
	<i>зеркальных,</i>
<i>Анаар өттүгэр абыс уон</i>	<i>На другой половинке</i>
<i>Айдаан таас туннуктээх,</i>	<i>Окна шумного стекла,</i>
<i>Соботох өттүгэр тобус уон</i>	<i>На единственной стороне</i>
<i>Сөлүүдэ таас туннуктээх...</i>	<i>Девяносто окон</i>
	<i>слюдяных...</i>

(Бурнашев И.И. «Сын лошади Богатырь Дыырай» 2013: 31, 205).

Вышеприведенные РСП якутского олонхо описывают экстерьер жилища богатыря – главного героя. Примечательно, что эти два примера выбраны из двух различных олонхо разных сказителей, при этом их формальное оформление и семантическая нагрузка идентичны полностью, что указывает на их интертекстуальность. Локатив в данных примерах передается с помощью сочетания числительных, указывающих на количество изображаемого элементов экстерьера: одна сторона / единственная сторона; пятьдесят окон / семьдесят окон / девяносто окон и имен прилагательных: *туннуктээх* (букв. имеет окно).

<i>Доодо ехэ ханаарин</i>	<i>По низу высокой стены</i>
<i>Долоо минган шагаабар</i>	<i>Он прорубил, распахнув,</i>
<i>Дэлигэтэй зэргэлбэ;</i>	<i>Семь тысяч окон.</i>
<i>Дээдэ ехэ ханаарин</i>	<i>По верху высокой стены</i>
<i>Дэмэй олон шагаабар</i>	<i>В ряд прорубил</i>
<i>Ухаряагаарин зэргэлбэ.</i>	<i>Несчетное множество окон.</i>

(Шалбыков Е. «Аламжи Мэргэн» 1973: 62-63).

По сравнению с якутским олонхо, в бурятском улигере фантазия сказителя безгранична. Так, при описании богатырского жилища, локатив передается также сочетанием числительных, указывающих на количество элементов экстерьера: *семь тысяч / несчетное множество* в сочетании с глаголами положения в пространстве: *прорубил, распахнув*.

<i>Улаадан уйлар ичкен,</i>	<i>Около юрты коровы</i>
	<i>пьют [сыворотку] –</i>
<i>Улу жаан баатыр болды,</i>	<i>Великий он был</i>
	<i>богатырь,</i>
	<i>Около дверей</i>

<i>Эжигинен элдер ичкен,</i>	<i>соплеменники</i>
	<i>пьют[араку] –</i>
<i>Эрлү жаан кезер болды.</i>	<i>Настоящий муж,</i>
	<i>знатный он кезер.</i>

(Калкин А.Г. «Маадай-Кара» 1973: 67, 251).

Между тем в алтайском эпосе рассматриваемый концепт передается двучленным РСП, в котором локатив образуется придаточным места. Из этого следует, что данный пример выражает национальную специфику алтайского языка.

6. Концепт КРОВАТЬ встречается в якутском, хакасском и бурятском эпосах:

<i>Уни оронно олорор киьи</i>	<i>Сидящий на правой кровати,</i>
<i>Улар сана булан көстөр,</i>	<i>Словно глухарь виднеется далеко,</i>
<i>Кэтэбэриин диэки олорор</i>	<i>Сидящий на кровати</i>
<i>Киьи</i>	<i>“кэтэбэриин”,</i>
<i>Кэбэ саба буолан көстөр,</i>	<i>Словно кукушка виднеется издалека,</i>
<i>Суол ааныгар олорор киьи</i>	<i>Сидящий возле входа,</i>
<i>Суор саба буолан көстөр,</i>	<i>Словно ворона смотрится издалека,</i>
<i>Ханас диэки сылдыар киьи</i>	<i>Слева ходящий человек,</i>
<i>Хараначчы саба буолан</i>	<i>Словно ласточка</i>
<i>көстөр...</i>	<i>виднеется...</i>

(Нохсоров У.Г. «Дыырай Бэргэн» 2009: 40, пер. наш).

Как видно из приведенного примера четырехчленного РСП из якутского эпоса, при описании интерьера жилища богатыря сказитель прибегает к чрезвычайной гиперболизации. Так, масштабы якутской юрты богатыря описываются при помощи сравнения, при котором стороны соотношены с орнитоморфными символами: *уна орон* (т.е. правая кровать) выражает южную сторону, мужскую половину юрты, на которой сидящий человек сравнивается с *глухарем*, благородной таежной птицей, добыча которой считалась знаком расположения «лесного хозяина» Бай Байанай.

Кровать «*кэтэбэриин*» – (от *кэтэх* – затылочная часть, т.е. сторона, противоположная входу) глубина юрты, самое почетное место, где ложатся хозяева и почтенные гости, сидящий там человек сравнивается с почтенной птицей-кукушкой, которая является известным шаманским атрибутом.

Суол аана (букв. дверь дороги) место у дверей – восточная сторона, собственно вход, чьи ка-

лексем, образованных от прилагательных с пространственным значением: *арая* (букв. северный) / *убэрэй* (букв. южный) – контекст данного РСП совпадает полностью с якутским РСП. При этом рассматриваемый локатив отличается от якутского и хакасского тем, что в нем вместо ближних и дальних соседей описываются южные и северные народы.

8. Концепт СЛЕД обнаруживается в якутском и хакасском эпосах и является весьма интересным примером:

<i>Ир суолбун ирдээн,</i>	<i>Может, по теплым следам</i>
<i>Ириэнэбэр тириэрдэр,</i>	<i>моим следуя,</i>
<i>Тон суолбун тордоон,</i>	<i>До горячих следов моих</i>
<i>Тобурабар тиэрдэр...</i>	<i>дойдет.</i>
	<i>По остывшим следам меня</i>
	<i>отыскивая,</i>
	<i>К еще теплым следам моим</i>
	<i>придет...</i>

(Каратаев В.О. «Могучий Эр Соготох» 1996: 152-153).

<i>Ус хулахтыг Ала хулаттын</i>	<i>Трехухого Пега-саврасого коня</i>
<i>Изін істен парарзың,</i>	<i>По его следам ищи,</i>
<i>Ай Хуучын иркемнің</i>	<i>Милую мою Ай-Хуучин</i>
<i>Чолын чоллап парарзың.</i>	<i>По проложенному пути</i>
	<i>ищи.</i>

(Курбижеков П.В. «Ай-Хуучин» 1997: 240-241).

Здесь якутский двучленный РСП образован приемом противопоставления антонимических лексических единиц, которому соответствует хакасский последовательный двучленный РСП. В обоих случаях речь идет о поиске главной героини богатырем в целях спасения ее от насилия враждебного персонажа. Как в якутском примере, так и в хакасском примере концепт СЛЕД реализуется лексическими единицами с прямым значением, непосредственно выражающими содержание локативности: якутский: *суолбун* (букв. след мой), хакасский: *изін істен* (букв. след его), т.е. здесь след представляется как статично выраженное описание локативности.

Кроме того, важно отметить, что пример из хакасского эпоса может способствовать раскрытию тайны якутского парного слова: *суол-иис* (букв. дороги), в котором, по мнению лексикологов, второй элемент утратил собственное обозначение и не используется сейчас в якутском языке самостоятельно. Между тем коннотация данной лексической единицы может быть установлена на основе лексической единицы РСП из

хакасского языка: *из* (букв. след), т.е. слепок от обуви на земле.

Е.И. Убрятва писала, что «общий контекст параллелизма создает условия и для сохранения архаизмов, которыми так изобилует язык олонхо. Слова сами по себе уже непонятные и неизвестные современному слушателю и читателю в контексте как бы восстанавливают свое утраченное значение» [Убрятва 1976: 204].

9. Концепт МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕКА можно обнаружить только в якутском и хакасском эпосах:

<i>Бэлэһин төрдүгэр биэстээх</i>	<i>В глотке у него</i>
<i>сылгы</i>	<i>угнезвился,</i>
<i>Тиэрэ туһэн</i>	<i>Словно улегся навзничь</i>
<i>сытарын курдук</i>	
<i>Инэс төрдө дьиблэммит,</i>	<i>Дух алчности лихой</i>
<i>Уолугар уоннаах оро</i>	<i>Пятилетним жеребцом;</i>
<i>Умса туһэн утуһа</i>	<i>В начале его пищевода</i>
<i>сытарын курдук</i>	
<i>Обот иччитэ олохсуйбут.</i>	<i>Улегся десятилетним</i>
	<i>мальчиком</i>
	<i>Жадности неукротимый</i>
	<i>дух.</i>

(Бурнашев И.И. «Сын лошади Богатырь Дыырай» 2013: 22, 196).

<i>Оң сари оос-палтырына</i>	<i>В правую икру</i>
<i>Оолахты сугыбызып,</i>	
<i>имнебискен,</i>	<i>Мальчика всунув, [рану]</i>
	<i>залечил,</i>
<i>Сол сагы оос-палтырына</i>	<i>В левую икру</i>
<i>Хызын сугыбызып,</i>	<i>Дочь свою всунув,</i>
<i>томнабысхан, ...</i>	<i>[рану] лечил, ...</i>

(Курбижеков П.В. «Ай-Хуучин» 1997: 258-259).

В приведенных примерах РСП, описывающих внушительные размеры персонажей, обнаруживается особый вид локативности, выражающий весьма интересный концепт МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ НА ТЕЛЕ ЧЕЛОВЕКА. Так, в якутском олонхо божество Улуу Хаан Тойон описывается настолько большим, что в его глотке угнезвился дух алчности, а в начале его пищевода улегся дух жадности. При этом локатив выражается при помощи лексической единицы с прямым значением, непосредственно выражающим локативность: *дьиблэммит* (букв. заимел свой дом), а также глаголом положения в пространстве: *олохсуйбут* (букв. заселился). А в хакасском примере описывается богатырь – главный герой, который настолько велик, что спрятал своих детей в икрах своих ног. Локативность в хакасском РСП передается дееприча-

стием: *сугыбызын* (букв. всунув), которое непосредственно выражает местоположение.

10. Концепт МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО наблюдается только в якутском олонхо:

<i>Кыыырбыт санаатын</i>	<i>Слова сердитые</i>
<i>Кыйыыччы кыйдаата,</i>	<i>Подальше отодвинула,</i>
<i>Уордайбыт санаатын</i>	<i>Мысли гневные</i>
<i>Уна диэки убарытта,...</i>	<i>Прочь прогнала,...</i>

(Ядрихинский П.П. «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» 2011: 338-339).

<i>Туруору тутан толкуйдаата,</i>	<i>Вопрос стояче решила,</i>
<i>Сытыары тутан сыаналаата,</i>	<i>Условие лежаче</i>
	<i>оценила.</i>

(Ядрихинский П.П. «Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта» 2011: 180-181).

<i>Сыта-олоро сыаналаа,</i>	<i>Лежа-сидя оцени,</i>
<i>Олоро-тура уураастаа.</i>	<i>Сидя-стоя обдумай.</i>

(Нохсоров У.Г. «Дыырай Бэргэн» 2009: 149, пер., наш).

Данный концепт обнаруживается при описании олонхосutom ментального состояния главных персонажей. В первом РСП сочетаются ментальные словосочетания: *кыыырбыт санаа* (букв. сердитые мысли) / *уордайбыт санаа* (букв. гневные мысли) с пространственными лексическими единицами: *кыйыыччы* (букв. прочь) / *уна диэки* (букв. в правую сторону).

Во втором РСП глаголы, выражающие ментальное значение: *толкуйдаата* (от русск. толковать, букв. подумал) / *сыаналаата* (от русск. оценка, букв. оценил), сочетаются с деепричастиями с пространственным значением: *туруору тутан* (букв. вертикально поставив) / *сытыары тутан* (букв. лежа положив).

В третьем РСП глаголы, выражающие ментальное значение: *сыаналаа* (от русск. оценка, букв. оцени) / *уураастаа* (букв. обдумай), сочетаются с парными словами: *сыта-олоро* (букв. лежа-сидя) / *олоро-тура* (букв. сидя-стоя).

При сочетании глаголов, выражающих ментальное значение пространственными лексическими единицами и деепричастием, образуется концепт МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Тем самым, рассмотрев номинализацию локативности концепта ФИЗИКО-ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, мы пришли к следующим выводам.

Универсальные черты РСП в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах прослежи-

ваются в концептах: ЗЕМЛЯ в якутском, алтайском и хакасском эпосах выражается в отношении физического состояния почвы; СОЛНЦЕ образует бинарные конструкции, сочетаясь с концептами ЛУНА и НЕБО; МИРОВОЕ ДРЕВО в якутском, алтайском и бурятском эпосах является центром мира, точкой отсчета; РОДИНА совпадает в якутском, алтайском и бурятском эпосах; ОХОТНИЧЬЕ УГОДИЕ обнаруживается в якутском и бурятском улигере; ПРОСТРАНСТВО-ПОМЕЩЕНИЕ передается почти одинаково в якутском олонхо и бурятском улигере; КРОВАТЬ имеется в якутском, хакасском и бурятском эпосах; РАССТОЯНИЕ совпадает в якутском, хакасском и бурятском эпосах.

Национальные особенности РСП проявляются в концептах МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО в якутском эпосе, ЛУНА-СОЛНЦЕ в алтайском эпосе, СОЛНЦЕ-КАМЫШ в бурятском улигере, РОДИНА в хакасском эпосе, ПРОСТРАНСТВО-ПОМЕЩЕНИЕ в алтайском эпосе, КРОВАТЬ в якутском олонхо иногда используется в качестве единицы измерения при описании интерьера жилища богатыря.

Особый интерес в перспективе представляет изучение эпоса в русле когнитивной метафоры, выявление общего и специфического с помощью концептуального анализа лексики и фразеологии сопоставляемых языков.

Таким образом, проблема взаимодействия языка и культуры приобретает особый интерес в период расширения международных контактов, интенсивного информационного обмена между представителями разных национальных коллективов. В этих условиях возникает потребность в формировании личности, сочетающей в себе ориентацию на этнокультурные духовные ценности, толерантность и способность к межкультурной коммуникации. Современная лингвистика активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Лингвистика как наука о языке занимает авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания, и обойтись без ее помощи при изучении культуры невозможно.

Список литературы

Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посесивность. СПб.: Наука, 1996.

Бурнашев И.И. – Тонг Суорун. Сын лошади Богатырь Дыырай. Якутский героический эпос. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013.

Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М., 1989.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.

Жирмунский В.М. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. 1964. № 4. С. 3-24.

Калкин А.Г. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973.

Каратаев В.О. Могучий Эр Соготох. Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Курбижеков П.В. Ай-Хуучин. Хакасский героический эпос. Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.

Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998.

Мосина Н.М., Мигунова А.С. Локативность и способы ее выражения в эрзянском и финском языках. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lokativnost-i-sposoby-ee-vyrazheniya-v-erzyanskom-i-finskom-yazykah>

Нохсоров У.Г. Дыырай Бэргэн. Якутский героический эпос. Якутск: Бичик, 2009.

Петров Н.Е. Олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества. Якутск: Изд. ЯГУ, 2009.

Пухов И.В. От фольклора к литературе: сборник статей. Якутск: Кн. изд-во, 1980.

Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. М.: Восточная литература, 2008.

Убратова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2. Сложное предложение. Новосибирск: Наука, СО РАН 1976.

Шалбыков Е. Аламжи Мэргэн. Бурятский героический эпос. Новосибирск: Наука Сиб. отделение, 1991. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Ядрихинский П.П. Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта. Якутский героический эпос. Якутск: Сайдам, 2011.

Яacobson P. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.

THE CONCEPT *LOCATIVITY* IN THE YAKUT OLONKHO AND TURKIC-MONGOLIAN EPOSES: RHYTHMO-SYNTACTIC PARALLELISMS AS MEANS OF EXPLICATING IT

S.M. Prokopieva, Yu.P. Borisov

North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)

olonhoman@mail.ru

The subject matter of the research is rhythmic and syntactic parallelism in the Yakut language compared with similar units of the Turkic-Mongolian languages through analysis of their concept structure. The concept analysis of rhythmico-syntactic parallelisms in epic texts provides insight into cognitive activity of man in creative perception of the world and reveals functional significance of language units in texts. Modern linguistics extends the frontiers of treating language as a cultural code of a nation not just a means of communication and perception. The category of *LOCATIVITY* in language is quite a common phenomenon. Its close interaction with other categories is fixed by speakers' cultures. The purpose of the paper is the comparative analysis of rhythmic and syntactic parallelisms verbalizing the concept *LOCATIVITY* in texts of the Yakut Olonkho and Turkic-Mongolian epics.

The authors consider nominalization of *LOCATIVITY* within the concept *PHYSIOGEOMETRIC SPACE*. This concept as a quantum of knowledge is represented in the Yakut Olonkho and Turkic-Mongolian epics by the word *LOCATIVITY* and rhythmico-syntactic parallelisms. Using the component analysis the authors decompose the language units into minimal meaningful parts. The method

of context analysis is used for revealing actualization of the language units in texts of Olonkho and Turkic-Mongolian epics. The general research method is the inductive-deductive one since the performed analysis of the material results in theoretical conclusions. The comparative study of rhythm-syntactic parallelisms functioning in the texts revealed universal and ethnic characteristics of rhythmic and syntactic parallelism actualization in the texts of the analyzed epics.

Key words: concept, locativity, Olonkho, rhythmic and syntactic parallelism, text, comparison.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. № 15-04-00496 (a).

For citation: Prokopieva, S. M., & Borisov, Yu. P. (2016). The concept LOCATIVITY in the Yakut Olonkho and Turkic-Mongolian epises: rhythm-syntactic parallelisms as means of explicating it. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 92-103. (In Russ.).

Для цитирования: Прокопьева С.М., Борисов Ю.П. Экспликация ритмико-синтаксическими параллелизмами концепта ЛОКАТИВНОСТЬ в якутском олонхо и тюрко-монгольских эпосах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 92-103.